№ 5
Март 1998

Право на свободу

Бюллетень Правозащитного Центра "Вясна—96"

Архипелаг Беларусь

25 марта не долго было праздником всей Беларуси. Практически торжественно, на официальном, государственном уровне отпраздновали его только однажды — пять лет назад. Не будет отмечать 80-летие своего рождения Государство Беларусь и в этом году. Потому что все истинно-беларусское считается на этой земле не национальным, а националистическим. И в первую очередь — настоящая, не сфальсифицированная и не рафинированная история, всё, что связано с бело-красно-белым флагом, с 700-летним гербом Пагоня, с борьбой за независимость... Да и само упоминание независимости постепенно становится в государстве крамолой. Приветствуется только одно: восславление дружбы с Россией, подчеркивание единства истории и будущего — в единой стране. Более того, мысли и желания одного человека выдаются за волю народа, воля одного человека, проведенная через незаконные и сфальсифицированные референдумы выдается за решение народа.. И наоборот, любая попытка защитить беларусский язык, или культуру, историю, народные обычаи... — называется национализмом и если не карается, то жестоко преследуется.

Беларусы, как нация, попали сегодня в трагическую ситуацию. Трагическую еще и своей абсурдностью, ненатуральностью, ненормальностью. Коренная нация, на своей родной земле становится нацменшинством, таковым не являясь. В Беларуси теперь живет около 80 процентов беларусов и около 80 процентов из них во время последней переписи населения (проведенной еще при коммунистах) родным языком назвали беларусский. Однако в столице и в крупнейших городах сейчас практически нет ни одной беларусскоязычной школы (кое-где сохранились только отдельные классы). Что это, как не дискриминация коренного населения, а если сказать более жестко и точно — языкокультурный геноцид целого народа...

Так происходит на государственном уровне. На бытовом же эта дискриминация проявляется более жестоко и более уродливо.Любой продавец в магазине может оскорбить того, кто заговорит с ним по-беларусски. Ситуация, в которую попали русскоязычные граждане в Прибалтике, не идет ни в какое сравнение с тем, что имеют беларускоязычные беларусы в Беларуси. За теми "русскими" — Москва, которая заступается и защищает права русских (последние события в Прибалтике это подтвердили). Более того, в нашем случае Москва становится заинтересованной стороной. И когда она дипломатично отмалчивается, то всяческие визитеры русофилы-шовинисты не только приветствуют задушение всего беларусского, но и помогают этому.

Беда беларусскоязычных беларусов не в том, что, как кому-то может показаться, их мало. А в их распыленности, растворенности (речь идет в первую очередь о городах)

(Продолжение на стр. 3)

Хроника

27 февраля **— во время пикета в защиту политзаключенных, выставленного Объединенной гражданской партией, чиновник министерства юстиции, который пришел на пикет с проверкой, потребовал от пикетчиков убрать флаг Европейского Союза на том основании, что он не зарегистрирован в министерстве юстиции. Пикетчики отказалась исполнять это требование.**

4 марта **— в Гродно со здания штаб-квартиры Беларусского Народного Фронта милицией был снят зарегистрированный флаг этой организации. Милиция, наверно, была напугана бело-красно-белыми цветами этого флага, который напоминает бывший государственный флаг Беларуси, замененный на "советский" флаг президентом Лукашенко в 1995 году.**

На *23 марта* назначен суд над выпускником Беларусской политехнической академии, членом "Молодого Фронта" Вадзимом Кабанчуком. Он обвиняется в сопротивлении работникам милиции и в активном участии в несанкционированных мероприятиях, акциях оппозиции весной 1997 года.

В марте **— беларусская почта требует от тех, кто отправляет заказные или ценные письма и бандероли из Беларуси предъявить паспорт или показывать содержимое пересылаемых вещей. Таким образом нарушается конституционное право беларусов на тайну переписки.**

Больные и беззащитные

Только в одной из больниц Украины находится около 40 граждан Беларуси, которых Родина оставила в беде..

За последние годы мы наслушались много красивых слов о "более тесной интеграции славянских народов", о "взаимовыгодном сотрудничестве" и прочем. Встречаются между собою президенты, премьеры, просто министры, подписываются какие-то договоры, создаются какие-то союзы Беларуси с Россией, Казахстаном... Но за "большими" проблемами наши руководители забывают о проблемах "маленьких", но не менее важных". Потому что касаются они судеб конкретных людей. Вот только один пример...

В прошлом году гражданин Беларуси N (фамилию редакция не называет из этических соображений) участвовал в научной конференции в городе Судак, что в Крыму. Накануне поездки в Минске он обращался за консультацией к психиатру, потому что почувствовал нервозность и напряженность, что возникли в его отношениях с коллегами. Врач посоветовал не нервничать, избегать стрессов. Но N в интересную и заманчивую (лето, юг) командировку всё же поехал.

На второй день конференции у N обострилось заболевание. Он закрылся в номере гостиницы с несовершеннолетним соседом и объявил, что тот является его заложником. N потребовал, чтобы в Судак привезли его родителей. Это было единственное требование. Возможно, если бы с ним поговорил психиатр, то удалось бы избежать трагических последствий. Но в гостиницу на борьбу с "террористом" были вызваны бойцы спецназа. Они обстреляли комнату из автомата, а потом захватили "террориста" и доставили в отделение милиции. N был обвинен в международном терроризме (уже без кавычек). Украинское законодательство предусматривает по этой статье лишение свободы сроком до 11 лет.

После задержания следователи заметили, что N неадекватно реагирует на ситуацию. Во время осмотра экспертов было установлено, что он болен шизофренией параноидальной формы и на момент задержания был в невменяемом состоянии. А потому не может быть привлечен к уголовной ответственности и имеет необходимость в принудительном лечении в специальном медицинском учреждении.

Но, несмотря на это, N перевезли в симферопольский СИЗО, где он находился пять месяцев в камере с 25 уголовниками. Никакой медицинской помощи он не получал.

Родные N обратились в Правозащитный Центр "Вясна-96" за помощью. Представитель Центра сообщил о случившемся в беларусское посольство на Украине, и попросил, чтобы консульская служба стала на защиту прав гражданина своей страны.

Странно, но и консул, и посол ничего не знали о случае с N. После вмешательства дипломатов N перевели из симферопольского СИЗО в Днепропетровск в Республиканскую психиатрическую больницу. Но сразу его туда не поместили. Две недели в сильные морозы он "жил" в товарном вагоне, спал на охапке соломы, не имел теплой одежды. И все из-за того, что своевременно не дошли документы в больницу.

Заместитель главного врача больницы сообщил, что случай с N не единичный. В больнице находятся еще около 40 наших соотечественников.

Министерство охраны здоровья Украины неоднократно обращалось к своим коллегам в Беларуси с просьбой совместно решить вопрос о пересылке граждан Беларуси на Родину. Но положительный ответ получен не был. В свою очередь МВД Беларуси отказывается осуществить транспортировку больных людей, мотивируя это отсутствием законодательной базы. В сентябре 1997 года лукашенковский парламент должен был рассмотреть вопрос о реотмиссии наших граждан. Но его не рассмотрели, наверно, потому, что он является "второстепенным". У властей пока "не доходят руки" до проблем своих соотечественников, попавших в безвыходное положение за границей страны. Больным, беззащитным, бесправным им остается сегодня только одно — ждать...

Л. ЛУНЁВА

"Само присутствие Щукина — это причина для ареста его..."

Аресты депутата и журналиста Валерия Щукина на глазах множества людей для минского ОМОНа, кажется, уже стали чем-то вроде обязательного ритуала. 10 марта в Ленинском райсуде столицы состоялось второе заседание по последнему делу этого "непокорного коммуниста". В. Щукин принадлежит к тем коммунистам, которые не приняли и не принимают политику Лукашенко. Начало делу положили события у минского областного суда 24 февраля, где В. Щукина затянули в "воронок" семь или восемь омоновцев, когда он брал интервью у несовершеннолетнего политзаключеного Вадзима Лабковича. За несколько минут до ареста Щукин осмелился высказать возмущение действиями милиционеров, которым приказали отогнать людей от здания суда.

В. Щукин обвиняется по двум статьям административного кодекса: "участие в несанкционированном митинге" и "неподчинение сотрудникам милиции". После февральского ареста суд был отложен по двум причинам: во-первых, обвиняемый заявил о намерении предоставить свидетелей инцидента, во-вторых, судьи были сражены наповал лозунгами "Долой диктатуру!" и "Лукашенко за решетку!", которыми Щукин "украсил протокол своего задержания.

На этот раз в маленькой комнатке, где проходило заседание под председательством судьи Елены Церашковой, разрешили присутствовать прессе (большинство журналистов все равно сюда не попало). Суд выслушал четырех свидетелей, заявленых В. Щукиным: это были, стоявшие рядом с ним во время "захвата" журналисты и люди, встречавшие политзаключенного В. Лабковича. С их слов суд узнал, что задержание "митинговщика" выглядело почти как нападение нескольких молодых мужчин на одного пожилого человека. Когда В. Щукина тянули к "уазику", на ул. Ленина даже на какое-то время было остановлено движение автомобилей...

Были также свидетели-милиционеры. Омоновец В. Наливка заявил, что он только исполнял приказ задержать В. Щукина, данный руководством. Заместитель начальника Ленинского РОВД капитан Г. Миклуш высказал мнение, что "само присутствие Щукина уже есть причина для его ареста. Кстати, именно капитан Миклуш и объявил 24 февраля в мегофон, что перед ним — "митинг". Поэтому во время суда начались споры, что же можно определить как митинг. Со слов омоновского капитана, митингом можно считать "любое собрание людей, которые что-то обсуждают" — даже "есть ли жизнь на Марсе"...

Заседание, однако, не окончилось каким-то решением судей: очередной акт "щукинского милицейского романа отложен на 18 марта, что объяснено неявкой одного из свидетелей-милиционеров.

Без ответа пока жалоба Щукина на действия милиции, поданная им в прокуратуру. "Самый дорогой" коммунист Беларуси имеет уже 13-й суд за полгода, что стоило ему штрафов на общую сумму почти 78,5 -- миллионов рублей (более 2000 долларов США) и нескольких заключений...

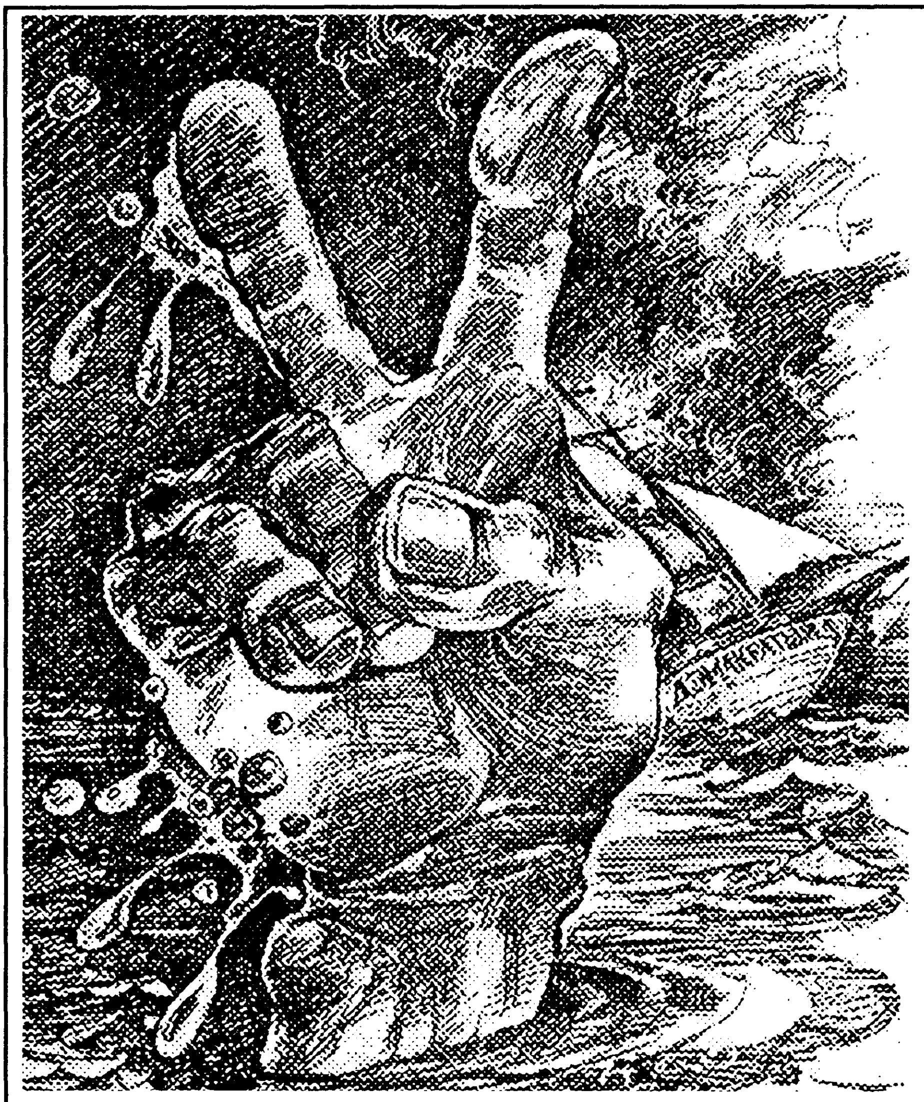
Яна ЖДАНОВИЧ

"Несанкционированное шествие" перед зданием суда.

Трудный путь в Европу

В Минске открыта официальная миссия ОБСЕ

Начало деятельности в Беларуси группы наблюдателей ОБСЕ почти совпало по времени с вынесением приговора Шыдловскому и Лабковичу и наступлением очередной весны. Торжественная церемония открытия штаб-квартиры консультационно-наблюдательной группы ОБСЕ прошла в Международном образовательном центре в Минске 27 февраля.

С этим событием был связан и однодневный визит в беларусскую столицу действующего председателя ОБСЕ — министра иностранных дел Польши Бранислава Герэмека. Вместе с г-ном Герэмеком Минск посетила и представительная делегация, в которую вошел ряд высокопоставленных лиц: генеральный секретарь ОБСЕ Жанкарло Арагона, директор Бюро по демократическим институтам и правам человека Жерар Штудмак, представители руководства ОБСЕ прошлого и будущего года из Дании и Норвегии. Однако встреча делегации с президентом Беларуси так и не состоялась. Контакты с официальным Минском ограничились переговорами руководства ОБСЕ с министром иностранных дел Иваном Антановичам и премьер-министром Сергеем Лингом.

Даже во время церемонии открытия офиса наблюдательной группы за улыбками официальных лиц и дипломатической завуалированностью заявлений достаточно явно проступало то, о чем стремились молчать обе стороны: о сложностях, которые на протяжении пос-ледних месяцев были связаны с приездом миссии в качестве постоянно действующей на Беларуси международной структуры. Как известно, инициатива ее создания исходила с Запада, что, несмотря на декларирование беларусскими властями активного стремления в Европу, вызвало их неудовольствие. Крупный скандал разгорелся вначале февраля, итогом чего стал отложенный визит Бранислава Герэмека и обвинение Польши в подготовке вместе с беларусскай оппозицией государственного переворота в Беларуси. В те же дни официальная пресса, подчиненная президенту Лукашенко, поместила интервью председателя беларусского КГБ У. Мацкевича, который утверждал, что польские спецслужбы уже несколько лет проводят активную деятельность против восточной соседки, провоцируя граждан Беларуси к шпионству и предательству.

После таких заявлений, члены миссии ОБСЕ, которые уже приехали в Минск, некоторое время находились в неопределенном положении. Например, при попытке сообщить наблюдателям о том, что происходит у здания суда во время процесса над Шыдловским и Лабковичам, европейцы указали на ограниченность своих функций на то время и полудипломатический статус. Будет ли открыта штаб-квартира официально, тогда еще не было известно, "вопрос решался" чуть ли не до последнего дня.

Кажется, договориться все же удалось. Выступая в день открытия миссии перед журналистами, Б. Герэмек и И. Антонович высказывали намерения о плодотворном сотрудничестве на пути страны в общеевропейский дом. Много слов было сказано о демократических ценностях этого дома. Представители ОБСЕ заявили, что не собираются вмешиваться во внутренние дела Беларуси, руководитель МИД, подчеркнув, что исполняет волю и проводит политику Лукашенко, указал, что сам факт открытия миссии ОБСЕ в Минске иллюстрирует благосклонное отношение к ней властей. По словам И. Антоновича, наблюдатели из Европы смогут сами убедиться, что в стране все в порядке с правами человека, что же касается сообщений о имеющихся здесь политзаключенных — то, сказал министр, в Беларуси их нет...

Таким образом, миссия наблюдателей начинает свою работу в сложной ситуации. Ей словно "намекнули заранее" на возможные трактовки встреч, контактов с представителями оппозиционных президенту кругов и словно предложили выгодный режиму компромисс в своих оценках беларусских событий и общей ситуации.

На протяжении первой недели после официального открытия штаб-квартиры никакую основательную работу эксперты не начали. Тем временем Бранислав Герэмек, рассказывая журналистам о поездке в Беларусь, отметил, что с беларусским президентом он и его коллеги из ОБСЕ не встретились намеренно, и причина этому — известное скептическое отношение демократических стран мира к Лукашенко, с которым охотно встречаются лишь лидеры-диктаторы азиатских и некоторых других стран (Югославия, Куба). Это заявление почти совпало с высказыванием президента Беларуси. Во время визита в Гродно на сельскохозяйственное совещание Лукашенко назвал присутствие в Беларуси наблюдателей ОБСЕ абсурдом, сославшись на то, что "Беларусь также является основателем этой организации" и в ОБСЕ работают "нанятые нами чиновники". Президент высказал также свое неудовольствие аналогией, возникающей в связи с работой наблюдателей, между Беларусью и "горячими точками" — в частности, с Чечней. Это выглядит логично: властям не хочется признавать многочисленные факты нарушения элементарных прав человека в стране.

Наш. корр.

Архипелаг Беларусь

(Начало на стр. 1)

среди русскоязычных и "трасянкавых" (тех, кто, как и президент, говорит на смеси беларусского и русского языков). По разным подсчетам, сегодня беларускоязычных беларусов от четырех до пяти миллионов, что по любым меркам немало. Но беларусскоязычные беларусы разъединены, как острова в море. Именно поэтому беларусский философ Валентин Акудович метафорично назвал сегодняшнюю "настоящую" Беларусь — архипелагом. (Кстати, перекличка с "Архипелагом..." Солженицына нам не кажется случайной...) И в этом, в разъединенности, наша слабость...

Похожая ситуация была и 80 лет назад, когда в Минске было объявлено о создании Беларусской Народной Республики. Но это не может продолжаться бесконечно. Море постепенно поглощает эти островки. Архипелаг исчезает... Любая же попытка беларусов бороться за свои права, за право, как писал Янка Купала, "людьми зваться", подавляется властями. Раньше царскими, потом большевитско-коммунистическими, теперь вот лукашенковской "вертикалью".

И потому не странно, что сегодня все беларусское — оппозиционное властям. И потому и в этом году 25 марта будет отмечаться не как государственный праздник, а как праздник тех, кто наибольшими ценностями считает Независимость и Свободу.

Андрей НАЛИВА

Надзея Дударава — больше не адвокат. Это трудно себе представить... Тем не менее это уже дважды так. Официально и по воле беларусского Минюста.

В августе прошлого года по распоряжению министра юстиции ей было запрещено участвовать в уголовным процессах. После осенего суда над пятью участниками "Минской весны-97" Дударавой пошли письма из Минюста с требованиями явиться туда (для чего — не объяснялось). Не успел закончиться недавний процесс по делу двух молодофронтовцев, как их общественному защитнику Н. Дударавой из конторы правосудия прилетела срочная телеграмма... Участвовать в заседании квалификационной комиссии ("дисквалификационной"?) правозащитница не пожелала: фактически это значило бы для независимого адвоката признать подчинение режиму.

На мой вопрос по телефону, зачем Дудараву вызывают в Минюст, тамошняя чиновница Барэйша В. А. грубо бросила трубку. Самой же Надзее Борисовне кратко сообщила, что она лишена адвокатской лицензии за нарушение адвокатской этики. При этом госпожа Барэйша не объяснила, в чем конкретно заключалось то нарушение, сославшись на нехватку времени для разговора. Неизвестно также, какой датой подписан приказ о "ликвидации статуса защитника"... Между тем вся "вина" ее — в независимости от государственной фемиды да констатации зависимости наших судов от президента Лукашенко. Похоже, что именно после суда над Аляксеем Шыдловским и Вадзимом Лабковичем их независимому защитнику государство пробует еще раз напомнить о своем отношении к фактам незаангажированности и принципиальности.

Наш разговор с Надзеяй Дударавой начался именно с воспоминаний о недавнем процессе над политзаключенными...

ПРАВОСУДИЕ И ДИКТАТУРА — НЕСОВМЕСТИМЫ

— Надзея Борисовна, как вы прокомментируете итоги процесса Шыдловского-Лабковича?

— Вынесенный им приговор — просто абсурдный! Другие суды только по значительно более серьезным делам выносят такие сроки лишения свободы. Приговор обоснован на показаниях трех свидетелей. Фактически же (о чем дословно заявил сам суд) показания двух из них базируются на словах третьего — свидетеля Илюшина. Как записано в тексте приговора, Илюшин заявил буквально следующее: в ночь на 3 августа 1997 года, проезжая на своем автомобиле вместе со свидетелем Шэндзиком мимо здания Стaлбцовской районной библитеки, и осветив фасад здания фарами, он увидел, как несколько человек что-то — подчеркиваю: что-то! — писали на стене краской из балончиков. среди этих лиц свидетель узнал Шыдловского, делавшего надпись на фасаде библиотеки. Все. Остальные показания основываются на этом рассказе... Если Илюшин видел, как писали "что-то", но не видел что именно, как суд может в приговоре вести речь о конкретных надписях, ссылась на показания Илюшина?

Суд засвидетельствовал просто абсурдную вещь: сослался на показания свидетеля Шэндзика, говорившего все со слов Илюшина — и тут же указал, что Шэндзик во время движения автомобиля у здания библиотеки никого не видел. Это объясняется "субьективным восприятием" Шэндзика и его плохим зрением. Таким образом, свидетель не мог подтвердить некоторые события, но они положены в основу обвинительного приговора. Как можно назвать такой приговор? Только незаконным.

О чести и достоинстве при вынесении этого судового вердикта говорить не приходится вообще. Судья должен выносить приговор, руководствуясь только своим внутренним убеждением, честью, совестью, достоинством гражданина, учитывая ситуацию в обществе. По этому поводу у меня может быть только два предположения: либо люди, вынесшие приговор кого-то бояться, либо они его заранее "знали". Я не хочу верить во второе. Потому что судья с довольно большим жизненным опытом не понимать, какой вердикт он вынес, просто не может.

— А что вы скажете о таком доказательстве, предоставленном следствием, как фотоснимки надписей?

— В приговоре не сказано, были ли свидетели написания Шыдловским и Лабковичам именно этих надписей. В том числе и приписанных ребятам нецензурных. Сами подсудимые их категорически отрицали, а судья так и не привел ни одного доказательства. Указаны лишь содержание надписей да места, где их сфотографировали. На этом основании выносить приговор нельзя: это беззаконие. Так можно осудить без доказательств любого человека. Это недопустимо! О каком правосудии тогда можно говорить?

— Вот что, наверно, сразу должно было насторожить: дело в Столбцах было заведено почти через три недели, в продолжение которых балончики с краской — именно те балончики! — держал у себя дома будущий свидетель Илюшин...

— И вообще, не надо иметь какой-то исключительный ум, чтобы понимать, какими надписями сегодня расписана вся Беларусь! Когда едешь по Минску, по любой автотрассе, через разные города — видишь свежезакрашенные стены. На них были надписи, адресованные президенту и его администрации. Люди несогласны с их политикой, с тем уровнем жизни, который они имеют сегодня в Республике Беларусь. Они ненавидят существующий режим. Такие надписи можно сфотографировать в любых общественных местах, даже в туалетах. Сфотографировали, но где гарантия, что сами и не написали? Что это не сделано намеренно, чтобы создать прецедент и

Надзея ДУДАРАВА

на примере этих ребят показать всем остальным, что их может ждать, если осмелятся сделать что-то похожее? Если имел место социальный заказ, то он выполнен на все сто процентов.

— Помню, как были удивлены международные наблюдатели сроком, который Шыдловски и Лабкович отсидели под следствием. Интересно, что присутствовавшие во время суда омоновцы убеждали меня: мол, за "графити" так же наказывают и на Западе. У нас необразованные охранники порядка, что ли?

— Шесть месяцев заключения ребят понадобились, чтобы допросить трех свидетелей, двое из которых совсем "пустые" — ничего конкретно не подтвердили. Это грубейшее нарушение! И когда оно стало очевидным, то представители организации "Human

Rights Watch", английского и американского посольств (они присутствовали на процессе) были шокированы. Это дело должно было рассматриваться не больше, чем за 10-15 дней. Таким образом сотрудниками милиции, проводившими предварительное следствие, нарушены нормы международного права, подписанные Беларусью. Согласно их, подобные дела должны рассматриваться в самый короткий срок.

Мною было представлено ходатайство о вынесении судом частного определения в адрес органов предварительного расследования. О том, что ребят держали в местах лишения свободы неоправданно долго. Но суд на это не отреагировал. Сделали вид, будто бы его вообще "не существует в природе"!

Такая реакция была и на попытку указать суду на аналогичные действия сотрудников президентской администрации, в частности, И. Титенкова, действительно порвавшего и осквернившего национальный флаг. Самое интересное, что тогда прокурор РБ ответил: "Имела место утилизация полотнища". Это — настоящее кощунство! Как можно таким образом "утилизировать" флаг на глазах людей да еще и демонстрировать это по телевидению?! Как можно восславлять действия Гитлера (как делал президент) и не нести за это ответственности?

— Недавно в Гродно президент прилюдно заступился за памятники Ленину и Дзержинскому и назвал осуждение молодых патриотов справедливым. "Сегодня страна в кольце врагов, как в 41-м", "народ просил меня руководить им по-сталински"... Я цитирую слова того же авторства, которые слышала сама. Дело в том, что во время суда Шыдловскому и Лабковичу ставился в вину и "раскол общества"... Где логика?!

— Как в ходе следствия, так и во время судебных заседаний, задавался вопрос: с какою целью ребята провели эту акцию. И Лабкович, и Шыдловски отвечали, что таким образом высказали протест против политики президента страны. И суд это указал в приговоре. Но он совсем не обсуждал этот мотив. Потому что такой мотив не является хулиганским! Таким образом, дело было очевидно сшито белыми нитками.

В конце концов, приговор выносится не только судом — это делает еще и общество. Реакцию общества мы видим, в том числе и по российским телеканалам. И она полярная судебному приговору. Его никто не поддержал! Даже беларусское телеведение до этого времени не выступило ни с каким заявлением относительно приговора. Я могу объяснить это лишь боязнью еще более явно увидеть, какую бурю негодования вызвал этот приговор. Вспомните несколько тысяч подписей в поддержку заключенных, мнение международных организаций — суд сделал вид, что этого не было.

— Суд таким образом противопоставил себя обществу?

— Да. Уже то, что ученики класса Вадзима Лабковича несколько дней стояли у здания областного суда, в зал которого их не пустили, говорит об отношении старшеклассников к поступку своего товарища.

— А какая реакция была на итоги суда в мире?

— В Минск приезжал журналист из США, из газеты "New York Times". На его вопросы мы отвечали вместе с Вадзимом и его мамой. Я знаю, что статью на эту тему напечатала и газета "Вашингтон Пост". Интерес проявили и другие известные в мире СМИ. Я имею в виду статью, которая увидела свет в парижской "Le monde". Вот что пишет в ней журналист о нашей стране: "Беларусь живет под кулаком Александра Лукашенко, который получил власть на референдуме". Затрагивается и вопрос о судьбе Андрея Климава — отмечено, что в Беларуси ведется преследование предпринимателей, которые создают много рабочих мест и возможность для людей больше зарабатывать...

— ...И имеют оппозиционные взгляды.

— Да, и Андрей Климав и Александр Пупейка. Желание режима их арестовать понятно... Вот еще из газеты "Le monde": на недавнем открытии в Минске миссии ОБСЕ министр иностранных дел Беларуси заявил, что в стране нет политзаключенных.... Я могу засвидетельствовать, что это не соответствует реальности, потому что сама веду дела этих заключенных.

— Как вы оцениваете количество людей, ощутивших на себе политрепрессии в Беларуси?

— Их около двух с половиной тысяч. Эти люди наказаны за инакомыслие, за то, что разными способами открыто высказывали свои взгляды. Пускай даже через надписи на стенах — но иного пути у них нет. Как только они реализуют свое право выбора, право шествий, митингов, свободы слова — их тут же наказывают под видом совершения уголовного преступления. Хоть это — борьба за право быть свободным человеком. Наказания — это и лишение свободы от суток до нескольких лет, неимоверные штрафы, исключение из ВУЗов, увольнение с работы.

— Адвокаты Лабковича и Шыдловского обратились в Верховный суд с касационной жалобой. Что дальше?

— Учитывая опыт предыдущих политических процессов, я сомневаюсь, что решение суда будет отменено. Возможно, как это было в деле Лыско, Кийки, Бондарава и других, один из членов коллегии выскажет отдельное мнение (по тому делу, кстати, ждем сейчас ответа председателя Верховного суда В. Сукалы). Чтобы принять правильное решение в таком деле, нужно иметь, по крайней мере, гражданскую позицию... На многих примерах видно: ни суды, ни прокуратура, ни органы милиции, ни адвокатура сегодня не имеют возможности говорить правду. Страх висит над людьми этих профессий дамокловым мечом и заставляет их совершать поступки, с которыми в душе они не согласны. Иначе возможно увольнение с работы, лишение их семей средств к существованию. Скажу больше: навряд ли этих людей уволят "по собственному желанию", если они выскажут несогласие с политикой призиданта, и навряд ли возьмут их потом на другую работу по специальности... Те, кто вершит сегодня судьбы других людей, чрезмерно зависят от властных структур, чтобы судить по Закону, а не по указаниям сверху...

Беседовала
Тацяна СНИТКО

Следствие закончено. Будет суд.

23 марта состоится суд над активистом "Молодого Фронта" Вадзимом Кабанчуком, который находится за решеткой пять месяцев.

Вадзим обвиняется в оказании активного сопротивления сотрудникам милиции во время акции, проводимой оппозицией прошлогодней весной. Ему инкриминируются статьи 186 и 187 УК Республики Беларусь (активное участие в несанкционированных мероприятиях), что угрожает лишением свободы на срок до пяти лет. После жестокого приговора вынесенного недавно Алексею Шыдловскому и Вадзиму Лабковичу, мала вероятность, что Вадзим Кабанчук будет оправдан.

Адвокат Вадзима Кабанчука Тацяна Станкевич (кстаити, она защищала Шыдловского) несколько раз подавала ходатайства в прокуратуру об изменении меры пресечения политзаключенному на подписку о невыезде, учитывая то, что в следственном изоляторе на "Валадарке" резко ухудшилось его здоровье, обострились болезни сердца и почек. Однако следователь прокуратуры Московского района г Минска Юрий Шпак, ведущий это дело, считает, что Вадзима нельзя отпускать из тюрьмы, так как он может сбежать от наказания...

Как видим, пять месяцев понадобилось следователям, чтобы "сотворить" обвинительное заключение и "подвести" под определенную статью действия прошлогоднего выпускника Беларусской политехнической академии 23-летнего Вадзима Кабанчука. Расправы над активными участниками политических акций оппозиции продолжаются.

На помощь студентам

В прошлом году в сентябре в Канаде был создан Фонд памяти беларусской поэтессы-эмигрантки Натальи Арсенневой. Основателем его стал Исполнительный комитет Координационного комитета беларусов Канады. Фонд имеет намерение осуществлять помощь студентам, которых беларусские власти исключают из университетов за участие в демонстрациях, шествиях, за инакомыслие, за беларусскость.

В управу Фонда вошли Раиса Жук-Грышкевич, Ивонка Сурвила и Галина Русак. На счет Фонда памяти Натальи Арсеннеvай уже поступили первые взносы в американских и канадских долларах от беларусов Северной Америки, Австралии, Великобритании, России...

Соб. инф.

Неволя в День Воли

В прошлом году, во время празднования годовщины создания БНР "беспорядки" справоцировали милиционеры и спецназовцы, а ответственность за это понесли пятеро простых беларусских граждан...

Предистория

События, к которым мы возвращаемся, произошли почти год назад во время празднования оппозицией очередной годовщины создания Беларусской Народной Республики. 23 марта 1997 года в Минске по проспекту Скарыны от площади Незалежнасци до площади Якуба Коласа прошло шествие, а на площади Якуба Коласа состоялся митинг. Шествие власти не разрешили, санкционирован был только митинг. Однако люди собрались возле площади Незалежнасци и по тротуарам, переходя перекрестки на зеленый свет светофоров (кстати, такое дисциплинированное поведение минской оппозиции во время своих мероприятий и по сей день удивляет иностранных, в том числе и российских наблюдателей), пошли в сторону площади Якуба Коласа. В самом начале уже было заметно, что милиционеров и спецназовцев в этот день собрано в центре Минска очень много и ведут они себя чересчур агрессивно.

Первые незначительные столкновения между участниками шествия и милицией произошли уже возле почтамта, у подземного перехода к площади Незалежнасци. Но вначале все обошлось и люди направились, подчеркиваем, не препятствуя движению городского транспорта, в сторону площади Якуба Коласа. По приблизительным подсчетам, участников шествия собралось от трех до пяти тысяч человек. Милиционеры с помощью мегафонов вещали, что шествие незаконное, несанкционированное и просили людей разойтись. Слушая это, люди спокойно и дисциплинированно шли в сторону площади, где должен был состояться митинг. Естествено, над их головами взвились бело-красно-белые флаги и лозунги у честь праздника.

Сразу нужно отметить, что это было одно из первый мероприятий оппозиции после подписания президентом, признанного потом независимыми экспертами антиконституционным, печальноизвестного "Декрета №5". И, поскольку у милиционеров и спецназовцев появилось "законное" право хватать людей на улице, то им хотелось его опробовать. Тем более, что будто бы, предпосылки для этого были: движение людей в сторону площади Якуба Коласа можно было квалифицировать, согласно декрета, как несанкционированное шествие...

Таким образом, люди шли по тротуарам, благо, в Минске вдоль проспекта они широкие, и никаких препятствий движению других пешеходов и транспорта не создавали. Милиционеры выстроились по проспекту вдоль тротуара и на проезжую часть никого не пускали. Машин между тем на проспекте было немного. Можно сказать даже их совсем не было, наверно, милиция движение транспорта по проспекту все же перекрыла. Ездили лишь автобусы, на которых стояли видеооператоры и снимали движение колонн по тротуарам, да милицейские автобусы и машины со спецназовцами внутри. Вначале, правда, прошло несколько троллейбусов...

Все могло бы так и окончится тихо и мирно, если бы... Если бы вдруг милиционеры и спецназовцы не начали бросаться к колоннам, выхватывать из них участников и тянуть их к автобусам с зарешетчанными и обычными окнами. Естественно, демонстранты начали защищать своих друзей и тех, кто оказался рядом, вырывать их из рук милиционеров. Туда, где возникали столкновения, спровоцированные милицией, стекались люди, там слышались крики "Позор! Позор!", движение колонн останавливалось, возникала толкотня, суета... Милиционеры ударно "работали" дубинками, не обращая внимания ни на женщин, ни на стариков. Спецвидеооператоры все фиксировали на пленку. Особенно те места, где возникало стихийное сопротивление действиям "охранников порядка".

Участники шествия не были готовы к таким действиям милиции, но быстро сориентировались, сорганизовались и чтобы хоть как-то противостоять наскокам милиционеров и выхватываниям демонстрантов, начали выстраиваться в шеренги и держаться под руки... На Кастрычницкой площади милиционеры стояли уже с двух сторон демонстрантов и шествие продолжалось далее по этакому корридору из людей в камуфляжной форме. Даже, если бы кто-то и захотел выйти на проезжую часть, сделать это не смог бы. Но наскоки спецназовцев на колонны демонстрантов продолжались и по дороге к площади Якуба Коласа состоялось еще несколько столкновений участников шествия с ними. Причем участники шествия исключительно защищали себя и своих ближайших друзей от захвата милиционерами. Столкновения были у площади Победы, у здания редакции "Вечернего Минска" и особенно крупное на самом выходе к площади Якуба Коласа у кафе "На ростанях" (видимо, "план захватов" милиционерами не выполнялся...)

Аресты в этот день продолжались и после митинга, во дворах, на остановках, в подземных переходах... Большинство арестованных 23 марта 1997 года получили денежные штрафы или лишение свободы на трое и более суток. Однако были после событий 23 марта 1997 года и другие аресты, и другие приговоры...

История

Видеооператоры от милиции во время шествия работали не напрасно. Отснятые ими материалы стали основанием для ареста, а потом и суда, над пятью участниками шествия: Рыгором Кийком, Уладзимером Лыско, Александром Бондаравым, Аляксеем Ковалем и Анатолем Сарокиным. Им были предъявлены обвинения по статьям 186[3] і 187[1] ч.2 УК Республики Беларусь, или за "активное участие в групповых действиях, грубо нарушающих общественный порядок, совмещенных с неподчинением законным требованиям представителей власти, вызвавших нарушение работы транспорта".

Поскольку все пятеро шли по одному "групповому" делу с одинаковыми обвинениями и действия милиции относительно их после митинга были приблизительно похожими, расскажем о том, как развивались события дальше на примере художника-керамиста Рыгора Кийки. 23 марта он принял участие в шествии и столкновении милиционеров с демонстрантами у кафе "На ростанях". О том, что было далее Р. Кийка рассказал представителю Правозащитного Центра "Вясна-96":

— После митинга меня задержали люди в гражданском в одном из дворов

возле площади Якуба Коласа. Они избили меня резиновыми палками и почти без сознания доставили в Кастрычницкий РОВД. Там меня продержали 8 часов, составили протокол и выпустили с условием, что завтра с утра я к ним приду. 24 марта в Кастрычницком суде мне был присужден штраф в 650 тысяч рублей за участие в несанкционированном шествии. Причем, свидетелями на суде были милиционеры, избивавшие меня — Павел Ганчаров и Сергей Мяльничэнка. На суде они не отрицали, что при задержании "употребили" дубинки.

Через несколько дней, 1 апреля, у дома, где я живу, меня схватили четверо неизвестных, втянули в красные "жигули" и отвезли в отдел по борьбе с организованной преступностью. Там старший лейтенант Д. Данильчык сказал, что против меня возбуждено уголовное дело. Меня отвезли в спецраспределитель на трое суток, а потом перевели в СИЗО на "Валадарку".

Продержали меня в СИЗО три месяца. Все это время как будто бы шло следствие. Условия содержания в СИЗО ужасные. В камере площадью 20 кв.м. находилось 22 человека. на всех было 10 кроватей, на которых приходилось спать по очереди. В камере сыро и душно, люди там варятся живьем — температура постоянно 25-30 градусов. Камера не проветривается. Медицинской помощи не было никакой. На моих глазах умер подследственный Игорь Рапарович, арестованный за неуплату алиментов. "Зону" в СИЗО считают раем и мечтают быстрее туда попасть.

Через три месяца мне предъявили обвинение в том, что я у кафе "На ростанях" набросился на сотрудника милиции и древком флага нанес ему пять ударов... Это не так, потому что ближе, чем 2-3 метра к милиционерам я не подходил, а флаг во время столкновения действительно поднял с асфальта (его кто-то выпустил из рук) и только размахивал им. После предъявления обвинения меня отпустили до суда под подписку о невыезде...

В уголовном деле, в частности в обвинительном заключении, "преступление" Р. Кийки выглядит так (цитируем): "Являясь активным несанкционированного участником шествия, действуя согласованно и совместно с другими его участниками, в числе которых находились Лыско У. М., Бондарав А. Л., Коваль А. А., Сарокин А. Г. и другие неустановленные лица, не подчинялся законным требованиям об прекращении несанкционированного шествия, предъявляемые сотрудниками милиции и военнослужащими внутренних войск, исполняющими возложенные на них обязанности по охране общественного порядка, продолжал движение в группе демонстрантов, оказывал сопротивление, совмещенное с насилием, сотрудникам милиции, вел себя агрессивно, кричал, оскорблял сотрудников милиции, размахивал флагштоком, в группе манифестантов выходил на проезжую часть проспекта Ф. Скарыны и близлежащих улиц, перекрывая движение общественного транспорта... Во время инцидента, возникшего между сотрудниками милиции и демонстрантами при задержании активных участников шествия, группа манифестантов, в составе которой находился он, набросилась на сотрудников милиции, при этом он нанес не менее чем 5 ударов деревянным древком от флага по голове и другим частям тела сотруднику ОМОНА ГУВД Мингорисполкома Бухавцу М. А., пресекающему противоправные действия по нарушению общественного порядка, чем причинил потерпевшему побои..."

По-разному проходило "следствие" у остальных четырех обвиненных вместе с Р. Кийкам в "групповом неподчинении" участников шествия и митинга. Алексей Коваль и Александр Бондарав также провели по два месяца в следственном изоляторе, в тех же условиях, что и Р. Кийка. Несколько раз милиционеры пытались арестовать Анатоля Сарокина, но он счастливо избегал этого: то был в командировке, то болел и лежал в больнице. В квартирах Р. Кийки и А. Бондарава были проведены обыски, однако у Р. Кийки ничего не было найдено, а у А. Бондарава были конфискованы в качестве вещественных доказательств куртка и три(!) спортивные шапочки типа "петушок" (именно в такой шапочке он был на шествии, как засвидетельствовала видеопленка). Кстати, видеозапись тех событий, на которой были опознаны обвиненные, и стала основным обвинительным документом против них. Свидетелями стали также "потерпевшие" милиционеры и омоновцы: М. А. Бухавец, В. Р. Прыходзька, М. И. Карпека, У. У. Каспярович, А. М. Лясюков, Ю. Ю. Штэнь и другие.

Всем пяти участникам шествия была инкриминирована статья 187^1 ч. 2 УК Республики Беларусь. Все они вину свою не признали. все утверждали, что в "беспорядках", происшедших в то день, виновны милиционеры, своими действиями провоцировавшие демонстрантов, заставляя их защищаться от неизбежного ареста и избиения. Интересным в этом смысле нам кажется свидетельство Анатоля Сарокина, сообщившего:

— Невдалеке от перекрестка проспекта Ф. Скарыны и улицы Казлова к тротуару, по которому шли демонстранты, припарковался "уазик". Из него выпрыгнуло несколько спецназовцев в касках. Они бросились к колонне и выхватили из нее несколько случайных человек. Люди сначала скандировали "Позор! Позор!", а потом бросились к "уазику". Признаюсь, что в этой ситуации я вел себя скромно, даже боязливо: стоял в сторонке и наблюдал за тем, что происходит. Дело в том, что я уже попадал в отделение милиции, а потом и в спецраспределитель 30 мая 1996 года и 14 февраля 1997 года, и мне совсем не хотелось попасть туда еще раз... Однако позже один из милиционеров "опознал" меня, сказав, что будто бы я хватал его за каску во время того самого задержания людей в "уазик". И против меня было возбуждено уголовное дело...

Таким образом, шествие и митинг, посвященные 79-й годовщине БНР для пяти граждан Беларуси окончились возбуждением уголовного дела. Несомненно, из тысяч тех, кто участвовал в этих мероприятиях оппозиции, их выбрали ради показательного процесса, ради запугивания других. Следствие тянулось почти полгода. Очевидно, что собранные "доказательства" и "правонарушения" на громкое дело не тянули. Но и оставить ненаказанными демонстрантов, по нескольку месяцев продержанных в следственных изоляторах, как выясняется ни за что, власти не отважились. И 18 сентября 1997 года следователь по важнейшим (!) делам прокуратуры г. Минска, юрист 1 класса В. А. Фещенка передал дело в суд.

Послесловие

14 ноября 1997 года в Минском городском суде состоялись слушанья по делу. Приговор был жестким и, в который раз приходится утверждать, неадекватным. Рыгору Кийку и Уладзимеру Лыско было присуждено по два года исправительных работ на стройках народного хозяйства, Алексею Ковалю, Александру Бондараву и Анатолю Сарокину — по два года исправительных работ на основном месте работы с вычетом 20 процентов зарплаты.

Прошло четыре месяца с дня вынесения приговора. Рыгор Кийка уже отбывает наказание в Борисовском районе. Работает на "химии" в Гомеле и Уладзимер Лыско. У Александра Бондарава и Анатоля Сарокина высчитывают деньги с заработка, а Алексей Коваль был вынужден оставить Беларусь и попросить политического убежища в Чехии...

...Приближается день 25 марта. Юбилейный: в этом году исполняется 80 лет со дня образования БНР. Оппозиция готовится отметить День Воли достойно...

На снимках: минский спецназ на "работе"...

В стенах "Валадарки"

Этап

Люди говорят, что человек может привыкнуть ко всему. И это правда, даже тогда, когда ты находишься в серых, влажных стенах "осужденки". Постепенно здесь перестаешь волноваться, спокойно реагируешь на звериные взгляды ментов и их бессмысленные реплики. И желудок через некоторое время начинает воспринимать безвкусную, гадкую даже внешне еду. Но, между тем, каждый, подсознательно, ждет этапа. И здесь нет разницы, какой у тебя срок: год колонии поселения или десять лет строгого режима. И хоть тюремный этап процедура не из приятных, но каждого тянет хотя бы краем глаза увидеть солнце, встретить новых людей.

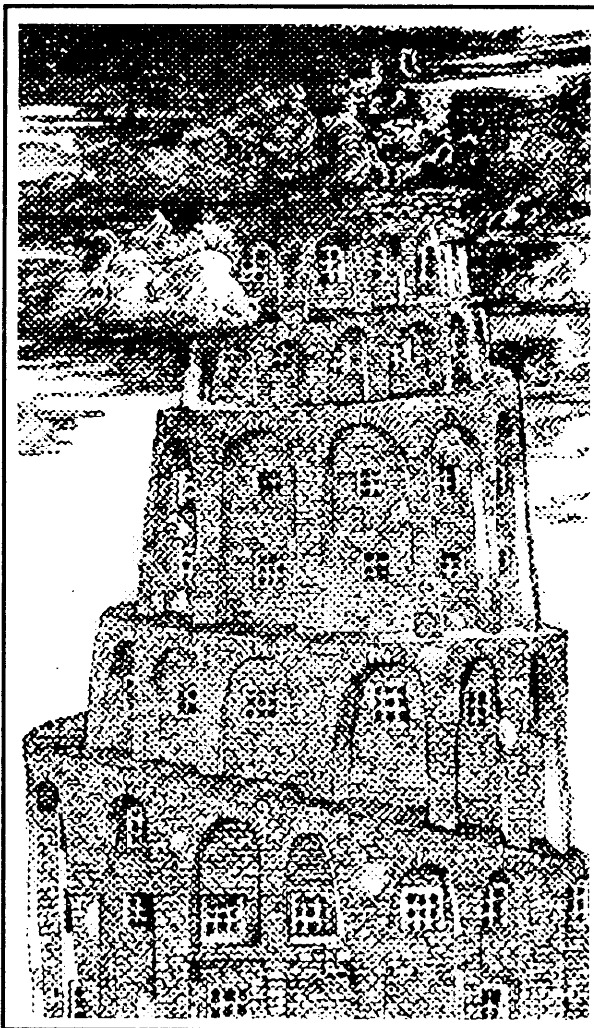
В камере на стене у нас висел гороскоп, и ежедневно каждый заглядывал в его с надеждой, что небесные светила покажут день, когда ты оставишь эти стены. С других "источников", кстати, узнать об этом невозможно.

К этапу готовятся заранее. Обычно это происходит неожиданно, и на сборы дают пару минут. Каждый складывает себе "кешар" (мешок с оставленными для этой цели вещами), записывает адреса и телефоны своих знакомых, откладывает чистую одежду (если она есть). Принцип: встречают по одежке действует и на зоне. По твоему внешнему виду и содержимому "кешара" можно предположить, какой "подогрев" поступает тебе с воли.

Как ни странно, но на 24 февраля 1997 года по гороскопу мне выпадало "приятное известие". Примерно во второй половине дня лязгнула форточка, мент назвал мою фамилию и резко добавил: "С вещами на выход". Я быстренько скрутил свои вещи и на прощанье пожал руки. Всем, кроме "опущенного", который сидел около "дальняка" и жалобно поглядывал на то, что происходило в "хате". Я подхватил "кешар", тюремные вещи, и, повернувшись лицом к стене, вышел на "продол" (коридор). Что-то похожее происходило и в соседних камерах: и оттуда по одному-два человека выводили на "продол" и ставили вдоль стены.

Перед тем, как нас расбросали по "этапкам" (камерам, где ждут этапа), провели еще один шмон. При этом преимущественно искали письма или "мули" (записки). Наверно, здесь очень боятся, чтобы какая-то информация не просочилась через стены. И что обидно, при этом менты могут забрать любую вещь, которая понравится. А мотивируют это просто: "Не положено". Мне пришлось расстаться с подарком соседа по "хате" — мундштуком, сделанным из стержня, тюбика из-под пасты и мастерски оплетенным разноцветными нитками из распущенного носка.

В "этапке", куда меня втолкнули, на нарах уже лежало два зека. Один из них был "химик", через которого позже я смог передать информацию на волю.

Второй был страшно избит и только тяжело дышал. Через какое-то время его выбросили из камеры и что было дальше с ним, — мне неизвестно.

В камере было очень холодно, через незастекленное окно, между чугунными прутьями решетки сыпало снегом. Но этот небольшой отстойник наполнялся все новыми и новыми людьми. Вечером в камеру набилось так много народа, что лежать на нарах приходилось только боком. Преимущественно здесь были "химики". Один из них был моим спутником, осужденным на два года колонии поселения. Его забросили сюда прямо с "больнички", где он провел последнюю неделю, но вылечиться как следует не смог. Осужден он был впервые, и что из себя представляет колония поселения — совсем не знал. Перед ужином к нам забросили еще пару "транзитников", кажется, они были из жодинской тюрьмы. Мне представилась возможность вместе с ними еще раз посетить тюремную баню, где я застудил ухо и напротяжении нескольких недель страшно мучился от боли.

Под утро решили заварить "чиф", но электричества не было. Пришлось обкрутить "зечку" (кружку) тряпкой и поджечь. Камеру закоптили сильно, а "чифа" получилось по два глотка. Под вечер нас перебросили в другую камеру и через некоторое время начали загружать в "автозеки" (машина с металлическим фургоном, внутри разделенном на несколько клеток). Почему-то я очутился один в полной темноте за железной дверью клетки. Относительно быстро доставили на пригородную станцию, на запасном пути которой стоял "столыпинский" вагон. Внешне он был похож на багажный, с двумя зарешетчаными окнами, внутри разделенный решеткой на клетки.

С двух сторон вагона стояли автоматчики с сабаками. Оглянуться, осмотреться было невозможно. Всех посадили на корточки, заставляя держать руки за головою и смотреть в затылок переднему. Что-то похожее мне приходилось видеть в фильмах о второй мировой войне, когда фашисты перегоняли советских военнопленных.

Начальник конвоя, ходивший вдоль вагона, напоминал: "Шаг влево, шаг вправо, попытка побега — стреляем без предупреждения!" Наверно, только в советских фильмах были попытки побегов, когда пленные бросались на дула автоматов зевающих немцев. Окоченевший, я сидел по щиколотки в воде. Со всего этапа стоял только один человек — это был одноногий старик на костылях. Видимо, у него мерзли руки и время от времени он перехватывал свою сетку в зубы. Напротив меня, скорчившись, сидел мужчина, одетый в легенький свитер на голое тело. Было больно смотреть, как на ничем не прикрытую спину сыпал мокрый снег. Скорее всего, его забирали в теплые летние дни. Но пока шло следствие, уже заканчивалась зима.

Процесс загрузки в вагон был очень быстрым и отработанным. По одному зеку загоняли в вагон и по очереди заполняли клетки. Начальник конвоя приказал, чтобы я помог своему соседу забраться в вагон. Он тыкал палкой в подножку и не мог попасть в дверь. Позже, когда глаза привыкли к темноте, и каждый начал искать место, где присесть, я понял, что мой сосед слепой. А впереди его ждало (я потом узнал) еще десять лет строгого режима. Когда вагон прицепили и он тронулся с места, нас начали сортировать соответственно режимов. Кого-то высаживали, а его место занимал другой, и такая толкотня продолжалась на всем пути. Вагон двигался медленно, его отцепляли почти в каждом населенном пункте, где была тюрьма или зона. Мы подолгу ждали, пока наш вагон прицепит и потянет уже другой поезд. Недаром этот маршрут называют "кругосветным". Слава Богу, что Беларусь стала независимой, и наш "столыпин" больше не курсирует по широким просторам России.

В дороге успеваешь познакомиться с разными людьми, в основном разговор идет об особенностях беларусских тюрем и зон. Также можно услышать информацию о "петухе" или осужденном менте, которые попали в вагон. Хорошо, если это этап зимний, и тебе повезло с конвоем. Если же этап летний и дни жаркие, солнечные, а конвой демонстрирует "силу", выдержать его очень тяжело. Уже в колонии, я слышал об этапах, в которых из железной клетки, набитой людьми, приходилось выносить бездыханные тела... В конце дороги я познакомился с уже немолодым человеком, который свой первый срок отбывал в колонии поселения. Я поинтересовался, что она из себя представляет, на что он мне кратко ответил: "Жить можно. Все зависит от тебя самого".

Наш вагон остановился на станции Горки.

Микола КАЧАН

(Продолжение следует)

Продолжение. Начало в № 2-3.

Право на свободу. Бюллетень Правозащитного Центра "Вясна-96".
Выходит два раза в месяц на беларусском, английском и русском языках. Тираж 299 экз.
Адрес редакции: 220007 Минск, а/я 88. Редактор Алесь БЯЛЯЦКИ.

В номере использованы рисунки А. Карповича и фотоснимки из архива Комитета "Весна-96"